

В.О.Шипулин

ТРАНСФОРМАЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Анализируется динамика представлений о суверенитете в философской и социально-политической мысли. Долгое время это понятие в основном рассматривалось как атрибут национального государства, независимого в своей внутренней и внешней политике, однако впоследствии стало также использоваться применительно к индивиду, суверенному в отношении самого себя. Особое внимание уделяется осмыслению феномена индивидуального суверенитета в контексте таких аспектов, как глобализация, способствующая кризису института национального государства и диверсификации трактовки суверенитета в классическом смысле, возникновение и популяризация либеральных и либертарианских представлений о правах и свободах человека как высшей ценности, а также трансформация коммуникативных моделей и способов самовыражения личности вследствие бурного развития информационных технологий. Отмечается, что формирующееся цифровое общество рождает новые возможности для становления инновационных форматов самосуверенной (self-sovereign) идентичности, индивидуального суверенитета, в том числе посредством регистрации и использования персонального цифрового ID. Прогнозируются и оцениваются связанные с этим социальные, политические, правовые последствия и риски.

Ключевые слова: суверенитет, индивидуальный суверенитет, самосуверенная идентичность, глобализация, цифровой ID

Термин «суверенитет» имеет долгую историю осмысления в политико-правовой и социально-философской мысли. Возникнув и долгое время существуя для обозначения возможности осуществления легитимного контроля над определенной территорией со стороны некой политической институции, обладающей применительно к ней высшей властью и авторитетом, впоследствии понятие суверенитета стало использоваться — и чем дальше, тем активнее — применительно к правам и возможностям отдельного индивида. Инновационные модели и сценарии взаимодействия государства и социума, общества и индивида, появляющиеся и развивающиеся в эпоху информационной глобальности, заставляют вносить дальнейшие коррективы в смысл этого понятия, обнаруживать новые контексты его использования.

Вероятно, старейшей трактовкой процессов возникновения, утверждения и реализации политического суверенитета было восприятие божественного начала в качестве источника суверенитета земного. Такое видение естественным образом сочеталось со свойственной традиционным обществам монархической формой правления: высший правитель — абсолютный монарх — имеет изначально делегированное богом, представителем (воплощением) которого в этом мире он является, право отправлять политическую власть над определенным пространством с населяющим его людьми. Именно он олицетворяет собой государство, никакие иные инстанции не способны ограничивать его властные возможности. Примерно так трактовали суверенитет классики политической мысли Ж.Боден и Т.Гоббс.

Развитием концепции политического суверенитета в эпоху европейского модерна стала идея суверенитета народного, когда, в противовес сказанному выше, единственным законным носителем верховной власти в стране начинают рассматриваться люди, ее населяющие. По мнению Ж.-Ж.Руссо, раскрывшего концепт народного суверенитета наиболее очевидным и ясным образом, именно люди-граждане, взятые в совокупности, формируют своего рода коллективную личность, народ, становящийся сувереном, т.е. обладателем высшей власти в государстве, в результате общественного договора. Именно народ осуществляет процесс принятия политических решений, издает законы, и «всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен» [1, с. 80], он же формирует правительство.

Следуя этой концепции можно прийти к выводу, что каждый отдельный человек, будучи составным элементом суверенного целого, частично является и держателем общего суверенитета. Такая точка зрения позволяет теоретикам акцентировать внимание на перманентно присущих индивиду правах и свободах, которыми не могут пренебрегать никакие претендующие на государственную власть политические силы. Идея естественных прав человека, как известно, стала основой доктрины либерализма и была представлена Дж.Локком еще в XVII веке (во «Втором трактате о правлении» Локк использует обобщающий термин «собственность» (“property”) для обозначения сочетания таких неотъемлемых человеческих ценностей, как жизнь, свобода и право на владение имуществом; ради сохранения этой расширительно трактуемой собственности люди добровольно объединяются в государство и отдают себя под власть правительства) [2, с. 334]. Позднее, уже в рамках анархизма и либертарианства, представление о суверенных правах индивида получило дальнейшее развитие, о чем еще будет сказано.

Известно, что процесс реализации суверенитета имеет как внутреннее, так и внешнее измерение, последнее выражается в соблюдении принципа невмешательства одних суверенов в сферу полномочий других; с точки зрения теории и практики международных отношений действительность этого принципа проявляется в признании независимого статуса национальных государств по отношению друг к другу. В данном случае можно говорить о национально-государственном суверенитете — его источником выступает не просто народ

как целостность, формирующаяся из отдельных индивидов, а народ, осознающий себя в качестве политической нации, государство же возникает как результат институционализации такого осознания. Взаимное согласие суверенных государств признавать самостоятельность и недопустимость вторжения во внутренние дела друг друга, обозначившееся в Европе по итогам Вестфальского мира 1648 года, впоследствии стало краеугольным камнем системы отношений между странами во всем мире (что впрочем, не стало препятствием для развязывания масштабных кровопролитных войн).

Сегодня, однако, принцип незыблемости национально-государственного суверенитета уже не воспринимается столь однозначно. Одним из важнейших оснований для этого выступает процесс глобализации, а конкретно — такие его проявления, как: усиление влияния транснациональных корпораций, которые вкупе с организациями типа МВФ и ВТО способны диктовать условия отдельным национальным правительствам; формирование всемирного сетевого онлайн-пространства, подрывающего возможность властей суверенных стран контролировать процессы информационного обмена внутри своих границ; становление действующих в глобальном масштабе сетевых структур гражданского общества, осуществляющих мониторинг за соблюдением в различных регионах планеты международных стандартов в области экологии, прав личности и т. д.

В связи с последним, безусловно, заслуживает быть отмеченной тенденция к универсализации понятия прав человека, имеющая место в современном глобализирующемся мире. Во многих случаях все менее убедительно звучит довод о том, что толкование данного понятия и все политико-правовые обязательства, которые из этого толкования следуют, относятся исключительно к внутренней компетенции государства. И если рано или поздно концепты наднационального, международного права и всемирного гражданства, о которых упоминал еще И. Кант в трактате «К вечному миру» [3, с. 26], воплотятся в реальность, то вполне естественным станет описываемое У. Беком положение, когда со стороны международных институций «допускается вмешательство и даже принятие превентивных мер, если нарушения государством прав человека несут в себе потенциальную угрозу космополитическому гражданскому обществу. Нарушая права человека — гражданин мира, правительства могут лишиться международного признания своего суверенитета» [4, с. 107].

Актуальным в этом случае становится вопрос о возможности создания, некоего глобально функционирующего политического института, аналога мирового правительства, который получит со стороны мирового сообщества доверие и право осуществлять властные полномочия, прежде являвшиеся прерогативой национальных государств, что предполагает, в том числе, и возможность наказания «провинившихся» обладателей суверенитета в привычном понимании. Сегодня контуры такого института, обладающего к тому же соответствующим для указанных целей инструментарием, на глобальном уровне не просматриваются. Хотя на региональном уровне такого рода примеры имеются — самым показательным среди них является Европейский Союз, который, при всех его внутренних проблемах, остается наиболее интегрированной и успешно функционирующей по многим направлениям наднациональной структурой. А некоторые европейские институции, в частности Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), распространяют свою юрисдикцию и на российское правовое пространство, заставляя в отдельных случаях пересматривать решения национальных судебных инстанций в случае их расхождения с общеевропейскими стандартами прав человека. Тем самым суверенность российской правовой системы, как и правовых систем всех других стран, на которые распространяется юрисдикция ЕСПЧ, ставится под сомнение¹.

Отсутствие единого формального центра глобального принятия решений не является, впрочем, препятствием для того, чтобы суверенитет национальных государств не подвергался постепенной трансформации; исследователями отмечается, что сегодняшняя стадия глобализации во многом ассоциируется с разрывом связи между суверенитетом, территориальностью и государственной властью [5, с. 10]. Суверенитет постепенно становится плюралистичной, распределенной между множественными инстанциями сущностью: наряду с национальными свою долю суверенитета получают глобальные, региональные, местные институты. В этих условиях еще более актуальной становится проблема экстраполяции понятия «суверенитет» на отдельного индивида, при том, что индивидуальный суверенитет может в данном случае иметь значение именно как самостоятельная, самодостаточная ценность и данность, а не рассматриваться лишь в качестве одного из множества элементов, совокупность которых формирует суверенитет коллективный.

По сути, концепция индивидуального суверенитета, получившая развитие на базе идей классического либерализма, анархизма и либертарианства, придает ему содержательные характеристики, сходные с теми, что свойственны суверенитету в классическом для эпохи европейского модерна понимании и сводятся к возможности осуществления никем извне не ограничиваемых власти, контроля и регуляции в отношении некоего объекта. Разница лишь в том, что в случае индивидуального суверенитета в качестве такого объекта выступает не территория-страна с ее жителями, а собственное тело, имущество, мысли и поступки. В обеих концепциях постулируется допустимость для носителя суверенитета любых действий, не нарушающих права и свободы других, утверждается добровольность вступления в те или иные союзы, запрещается вторжение в чужие владения. Один из теоретиков современного либертарианства М. Ротбард оперирует понятием самопринадлежность (self-ownership), т.е. право собственности на самого себя, онтологически обосновывая его следующим образом: «...человек, изучая с помощью интроспекции факт собственного сознания, также обнаруживает первичный и естественный факт свободы: своей свободы выбирать, своей свободы использовать либо не использовать свой разум применительно к любому данному предмету... Он также обнаруживает естественный факт руководства своего ума над телом и его действиями: то есть, естественную собственность на

самого себя» [6, с. 77]. Собственность индивида на самого себя, самопринадлежность — это ведь и есть то, что иначе можно обозначить как самосуверенность, индивидуальный суверенитет. В том случае, разумеется, если самопринадлежность каждого взаимно признается и не предполагает возможность ограничивать независимость других.

По-разному могут быть расставлены акценты при осмыслении вопроса о соотношении индивидуального суверенитета и личной свободы с суверенитетом государственным. Если классический либерализм лишь минимизирует роль государства (которое само по себе есть не что иное, как политический инструмент в руках народа), рассматривая его в качестве «ночного сторожа», наделенного по отношению к обществу ограниченным кругом функций, которые без него не могут быть выполнены (например, обеспечение внутренней и внешней безопасности), то анархо-либертарианцы этим не довольствуются. С их точки зрения, правительства, государственные органы состоят из людей, которые ни в отдельности, ни вместе отнюдь не мудрее, чем прочие члены сообщества, а потому отнюдь не вправе принимать за них и навязывать им какие-либо решения. Отсюда полагается возможным социальное взаимодействие свободных индивидов в отсутствие каких-либо форм государственного управления, основанного на вмешательстве в частную жизнь. Взамен организации извне происходит самоорганизация, а необходимый уровень порядка в обществе вполне способен достигаться естественным, спонтанным образом на основе «...децентрализованных переговоров, обменов, предпринимательских инициатив, которые в совокупности производят крупномасштабную координацию, действующую без каких-либо преднамеренных планов» [7].

Вступление человечества в цифровую эпоху еще в большей степени, нежели ранее, актуализирует проблему индивидуального суверенитета, концептуализирующуюся также с помощью понятия суверенной или самосуверенной идентичности (*self-sovereign identity*) [8, 9]. Всеобщая вовлеченность в виртуальную информационно-коммуникативную среду позволяет индивиду присутствовать и идентифицироваться там, производя в некотором роде свою электронную эманацию, над которой он осуществляет суверенную власть. Он способен самостоятельно конструировать свой виртуальный образ, при необходимости комбинируя самые разные — реальные или фантазийные — составные элементы. Кроме того, у участников сетевых коммуникаций существует возможность «интегрировать в себе одновременно множество вариантов онлайн- и офлайн-самоидентификаций, ...набор которых при этом постоянно варьируется» [10]. В физическом мире декларирование персональной суверенности не всегда сочетается с реализацией ее на практике ввиду препятствий различного характера (давление устойчивых коллективных стереотипов, материальная зависимость, личностная незрелость и т.п.). Нередко причиной создания одного или нескольких скрытых за аватарами виртуальных «Я» как раз и является неудовлетворенность индивида своим положением в реальном мире, проблемы в общении с окружающими, желание в полной мере суверенно, независимо и самостоятельно управлять своими поступками. В виртуальном же пространстве персональный суверенитет распространяется даже на принятие решения касательно своей дальнейшей жизни или смерти, при том, что цифровая смерть, разумеется, не окончательна и дает надежду на последующее возрождение в том или ином облике.

В последнее время речь все чаще заходит о последствиях, в том числе юридических, которые могут иметь место в результате дальнейшего совершенствования способов утверждения индивидуального суверенитета посредством цифровых технологий: так, технологически реализуемой может стать возможность для индивидов регистрировать и использовать цифровой ID в качестве персонального идентификатора, обходясь при этом без участия государства; такой идентификатор, содержащий все необходимые личные сведения, предположительно, заменит множество документов и позволит его владельцу осуществлять необходимые транслокальные интеракции с различными инстанциями. Предполагается, что пользователь будет иметь возможность управлять своим цифровым ID, вносить туда изменения, расширять или ограничивать доступ к нему. В привычных реалиях человек, обладая известной свободой самовыражения (которая к тому же значительно расширяется с выходом в виртуальную среду), все же имеет определенный аскриптивный персональный статус, фиксируемый соответствующими государственными органами и являющийся, в частности, основой института гражданства. Однако скорость трансформации условий человеческого существования перманентно нарастает, и, вероятно, рано или поздно настанет день, когда регистрация актов гражданского состояния перестанет быть исключительной функцией государства, можно допустить, что когда-нибудь оно и вовсе ее утратит. Глобализация, проявляющая себя, в частности, в масштабных миграционных перемещениях населения, вызванных действием экономических, политических, криминальных факторов, и разрывающая устойчивость связи индивида с конкретным локусом проживания, также заставляет задуматься над этой перспективой, в том числе исходя из гуманитарных соображений: в современном динамичном мире увеличивается количество лиц без гражданства, лишенных ввиду этого многих элементарных человеческих прав и социальной поддержки в стране пребывания [9].

Возможный процесс массового перехода от апробированного формата регистрации гражданского статуса к самостоятельному созданию персональных цифровых ID (что, очевидно, будет означать движение общества в направлении практической реализации анархо-либертарианского идеала замены государства совокупностью ассоциаций свободных индивидов) не может не порождать новые проблемы. Сегодня государство, очевидно признавая актуальность цифровой трансформации осуществления многих своих функций (среди последних примеров — недавнее решение Правительства РФ о начале выдачи электронных паспортов), при этом не желает отказываться от контроля над персональными данными граждан. Нормативно-правовая база для

осуществления саморегистрации суверенной идентичности и ее использования отсутствует. Да и в обществе идея отказа от привычных форматов идентификации вызывает определенные сомнения: конечно, мысль о независимости от подчас излишнего и навязчивого внимания официальных структур кажется привлекательной, однако существуют ли гарантии того, что приватность личной жизни будет лучше защищена (и отнюдь не только от государства) внутри системы децентрализованных реестров и блокчейн-сетей, которая и рассматривается в качестве технологической основы для осуществления неподконтрольного взаимодействия пользователей? Способно ли наличие цифрового ID полностью исключить для претендующего на самосуверенность индивида риск нежелательного прямого или манипулятивного воздействия со стороны тех, кому удастся заполучить непредназначенную для общего пользования информацию о его деятельности в сети? На данный момент утвердительный ответ на эти вопросы неочевиден. Неясно также, не приведет ли неограниченная возможность управлять собственной идентичностью к стремлению ставить и реализовывать исключительно эгоистические цели, в т. ч. ориентированные на причинение вреда интересам других членов социума, и окажутся ли новые форматы общественной саморегуляции, которые должны будут возникнуть, достаточно эффективными, чтобы этому воспрепятствовать.

Таким образом, требуется преодолеть еще множество правовых, социально-психологических, технологических препятствий для того, чтобы возможность реализации индивидуального суверенитета посредством электронной самоидентификации стала реальной. Однако в любом случае общая тенденция к расширению пространства личной свободы в различных сферах жизни и деятельности сегодня неоспорима — это проявляется и во все более широком толковании и применении либерального концепта прав человека, и в частичном перераспределении суверенных функций института национального государства в условиях глобализации, и в отсутствии границ для самовыражения в виртуальной среде. В предстоящие десятилетия человечеству предстоит выработать конкретные формы, в которых идея индивидуального суверенитета получит свое воплощение, а также испытать на себе то, к каким последствиям для индивида, государства, общества это приведет.

Примечание

1. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года, допускает возможность в порядке исключения отступать от выполнения решений ЕСПЧ, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции
1. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права [Электр. ресурс] // Электронная библиотека. Гражданское общество в России. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Russo_O_dogovore.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
2. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137-405.
3. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Сочинения: В 8 т. Т. 7. М.: ЧОРО, 1994. С. 5-56.
4. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2007. 464 с.
5. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004. 576 с.
6. Ротбард М. Этика свободы [Электр. ресурс]. 333 с. URL: https://lib.in.ua/wp-content/uploads/2019/05/Rothbard_etics.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
7. Chartier Gary & Johnson W. Charles. Markets not capitalism: individualist anarchism against Bosses, inequality, Corporate Power, and structural poverty. London, New York, Port Watson: Minor Compositions, 2011. 428 p.
8. Шипулин В.О. Динамика российской коллективной идентичности: информационно-коммуникативный контекст // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. №2(27). Ст. 25. DOI: 10.34680/2411-7951.2020.2(27).25
9. Windley Ph. Self-Sovereign Identity and Legal Identity // Phil Windley's Technometria, April 24, 2016. URL: https://www.windley.com/archives/2016/04/self-sovereign_identity_and_legal_identity.shtml (дата обращения: 01.02.2022)
10. Allen C. The Path to Self-Sovereign Identity // CoinDesk, April 27, 2016. URL: <https://www.coindesk.com/markets/2016/04/27/the-path-to-self-sovereign-identity/> (дата обращения: 01.02.2022).

References

1. Rousseau J.-J. Ob obshchestvennom dogovore, ili printsipy politicheskogo prava [Orig. Du contrat social, ou Principes du droit politique; The Social Contract; or, Principles of Political Right]. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Russo_O_dogovore.pdf (accessed: 01.02.2022) (In Russ).
2. Locke J. Dva traktata o pravlenii [Orig. Two Treatises of Government]. In: Works in 3 vols, vol. 3. Moscow, 1988, pp. 137-405. (In Russ).
3. Kant I. K vechnomu miru. Filosofskiy proyekt [Orig. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf; Perpetual Peace. A Philosophical Sketch]. In: Works in 8 vols, vol. 7. Moscow, 1994, pp. 5-56. (In Russ).
4. Beck U. Vlast' i yeye opponenty v epokhu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya ekonomiya [Orig. Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter. Neue weltpolitische Ökonomie. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002; Power and Counterpower in the Global Age. New world political economy]. Moscow, 2007. 464 p. (In Russ).
5. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global'nyye transformatsii: politika, ekonomika, kul'tura [Orig. Global Transformations Politics, Economics and Culture. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 1990. 544 p]. Moscow, 2004. 576 p. (In Russ).
6. Rothbard M. Etika svobody [Orig. The Ethics of Liberty. New York, London: New York University Press, 1998. 308 p]. Available at: https://lib.in.ua/wp-content/uploads/2019/05/Rothbard_etics.pdf (accessed: 01.02.2022)). (In Russ).

7. Chartier G. & Johnson Ch. Markets not capitalism: individualist anarchism against Bosses, inequality, Corporate Power, and structural poverty. London, New York, Port Watson, Minor Compositions Publ., 2011. 428 p.
8. Shipulin V.O. Dinamika rossiyskoy kollektivnoy identichnosti: informatsionno-kommunikativnyy kontekst [Dynamics of Russian collective identity: information and communication context]. Memoirs of NovSU, 2020, no. 2(27), art. 25. DOI:10.34680/2411-7951.2020.2(27).25
9. Windley Ph. Self-Sovereign Identity and Legal Identity. Phil Windley's Technometria, April 24, 2016. Available at: https://www.windley.com/archives/2016/04/self-sovereign_identity_and_legal_identity.shtml (accessed: 01.02.2022)
10. Allen C. The Path to Self-Sovereign Identity. CoinDesk, April 27, 2016. Available at: <https://www.coindesk.com/markets/2016/04/27/the-path-to-self-sovereign-identity/> (accessed: 01.02.2022).

Shipulin V.O. On transformations of sovereignty in the era of digital globalization. The article analyzes the dynamics of ideas about sovereignty in philosophical and socio-political thought. For a long time, this concept was mainly considered as an attribute of a nation state, independent in its domestic and foreign policy, then it also began to be used in relation to an individual, sovereign in relation to himself. Particular attention is paid to understanding the phenomenon of individual sovereignty in the context of the following aspects: globalization, which contributes to the crisis of the institution of a nation state and to the diversification of the interpretation of sovereignty in the classical sense; the emergence and popularization of liberal and libertarian ideas about human rights and freedoms as the highest value; transformation of communication models and ways of self-expression due to the rapid development of information technology. It is noted that the emerging digital society gives rise to new opportunities for the formation of innovative formats of self-sovereign identity, individual sovereignty, including through the registration and use of a personal digital ID. The associated social, political, legal consequences and risks are predicted and assessed.

Keywords: sovereignty, individual sovereignty, self-sovereign identity, globalization, digital ID.

Сведения об авторе. Всеволод Олегович Шипулин — кандидат философских наук (специальность 09.00.11), доцент кафедры теории, истории и философии культуры Новгородского государственного университета им.Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-8921-3752; Vsevolod.Shipulin@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2022. Принята к публикации 01.03.2022.

Ссылка на эту статью: Шипулин В.О. Трансформации суверенитета в эпоху информационной глобализации // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2(41). С. 255-259. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).255-259

For citation: Shipulin V.O. On transformations of sovereignty in the era of digital globalization. Memoirs of NovSU, 2022, no. 2(41), pp. 255-259. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).255-259